

Тот, кто шел БЕЗ СТРАХОВКИ

Снова июль. Снова Москва. Снова Высоцкий.

Будничные толпы у памятника на Ваганьково схлынули, и это к лучшему: меньше вокруг него случайных людей, меньше туристов по призыванию, меньше любителей сплетен. Значит, и 25 июля придет сюда люди неслучайные: снова придут ребята со значком Высоцкого на белых рубашках, где он — в черном июльском круге (а в январе они надевают другой значок, где он в круге красном — круге рождения). Придет, надо думать, со своей гитарой певец Толя Алянов, который не только здорово поет «под Высоцкого», но и жизнь ощущает так же. Придет поколение, которому Высоцкий не дал пропасть и одиночь, подстраховывая каждого (да, каждого!) и каждого вытаскивая за шкурку из пропасти. А кто придет еще? Толпы у памятника схлынули — и от этого тревожно: не станет ли Высоцкий для нынешних молодых такой же славной и далекой легендой, как Куликово поле? Нет, не этого он хотел, хотя сам же бесстрашно сказал: «Пусть былое уходит — пусть придет что-нибудь!» А тот, кто жил без страховки, — тот ни от чего не застрахован и после смерти, в том числе и от непонимания, и от благостного забвения.

Собеседник: - 1991. - Москва (№ 30), - с. 10

Сегодня, когда волны эмиграции стремительно откатываются от страны на Запад, поймут ли отъезжающие и провожающие искренность Высоцкого, с трудом вырывавшегося на ту сторону, чтобы сгореть на этой: «Париж открыт — но мне туда не надо». Его песни были, как коробок сухих спичек, оставленных в тайге в надежном месте — для каждого вслед идущего. Но захочет ли сегодняшнее поколение красивых двадцатилетних открыть этот коробок? Ведь вокруг столько новеньких нарядных зажигалок, своих и импортных, в которых крутануть огонек ничего не стоит. Правда, довольно часто случается, что эфемерное топливо этих одинаковых игрушек неожиданно быстро кончается, и тогда вы снова ищете и находите суровый коробок сухих и яростно сгорающих спичек. Простые вещи — самые надежные в мире.

Пришли другие времена, зажглись другие имена — так и должно быть, все путем. Но как радостно слышать из какого-нибудь окна после эскадронов шальных мыслей хриплый рык Высоцкого: ага, значит, кто-то бережет его «на потом», «после всех», как МЗ, значит, он живой: так берегут только живых. Но никуда не уйти и от этого июля, и невозможно поверить, что прошло уже одиннадцать лет с того дня, как Москва прощалась с Высоцким. Тогда она не дала затоптать мертвого волка, которого не смогли взять живым. Неужели теперь мы сами дадим ему умереть после смерти? Наш долг, долг целочки — подстраховать его, чтоб он не сорвался в пропасть забвения, как он подстраховывал каждого из нас. И оделать это очень просто: поставьте сегодня каску Высоцкого. Все равно что: про Лукоморье, про Кассандру, про корабль, про белый вальс, про друга, уехавшего в Магадан. Завтра нас снова будут жестко подгонять будни: пусть былое уходит — пусть придет что-нибудь! А сегодня, 25 июля 1991 года, снова понимаешь одно: возвращаются все — кроме лучших друзей...

Наталья Айрапетова.